

ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: КОММУНИКАЦИИ, ЗДОРОВЬЕ, ОБРАЗОВАНИЕ

Вера Пищальникова

Язык как когнитивно-коммуникативный механизм

Тот, кто усвоил эту точку зрения на *слово* как звуковой знак с функцией значения, — а вряд ли найдется хотя бы одно лингвистическое, психологическое или философское произведение, которое не впадало бы в эту ошибку, — тот никогда не сможет охватить языковые факты во всем их объеме.

Й.Л.Вайсгербер. Родной язык и формирование духа. 1928.

Никакая наука не может плодотворно развиваться, не возвращаясь постоянно к вопросу о своем объекте. Объект какой-либо области научного знания не задан ей изначально раз и навсегда ни в некотором неизменном виде, ни даже в неизменных границах.

В.М.Павлов. Языковая способность человека как объект лингвистической науки. 1968.

В основе любого лингвистического исследования лежит, пусть и в неявной форме, презумпция того, что лингвист изучает тексты как *результат* речевой деятельности мыслящего человека. Это позволяет интерпретатору приписывать как отдельным языковым знакам, так и текстам не только системное языковое значение, но и субъективные значения — смыслы. При этом считается, что субъект речевой деятельности *использует* лексику определенного языка в соответствии с устойчивым (общепотребительным) значением знака, *ситуативно* приписывая знаку свое субъективное значение — смысл.

Анализируя содержание текстовых языковых единиц, лингвист, как правило, опирается на интроспекцию собственных ментальных образований, соотносимых им с этими языковыми единицами. Такой путь анализа признается в лингвистике не только допустимым, но и, собственно, единственно возможным, поскольку считается, что сознание человека существует в ментальных образах, доступных в интроспекции только субъекту сознания. Лингвист, субъект сознания, исследует одну из разновидностей *фиксации* сознания — речевые продукты.

В отечественной психологии и психолингвистике сформировано представление, согласно которому *сознание человека структурируется при участии языка*. Язык при этом рассматривается как **средство обобщения ментальных образов, возникающих в деятельности**, а сознание называется языковым. Изучение его осуществляется в рамках **деятельностного подхода** как **исследовательской процедуры**. В основе ее лежит объяснительная схема: объект действительности рассматривается только в структуре деятельности, в которую он включен, и характеризуется через связи элементов этой структуры. **Деятельностный подход** может рассматриваться и как **объяснительный принцип**. Основываясь на нем, исследователь рассматривает языковое сознание: 1) как образ результата продукта деятельности; 2) как форму самой деятельности (как форму способов/операций осуществления действий, из которых деятельность состоит); 3) как продукт, во внешней форме которого представлена деятельность. Трактовки деятельности отличаются а) пониманием субъекта деятельности и б) пониманием природы деятельности. Феноменологически (в явлении, в видимости) деятельность нередко предстает как бессубъектная активность. Феноменальны лишь ее результаты в виде отчужденных от деятельности индивида форм культуры, которые противостоят индивиду. Ноуменально (сущностно) деятельность есть активность субъекта.

Деятельностный подход в лингвистике и психолингвистике, как известно, формировался под влиянием идей немецкой классической философии и философии языка В. фон Гумбольдта, а также общей теории психической деятельности (А.Н.Леонтьев).

Обращение к идеям В. фон Гумбольдта в XX в. связывают, прежде всего, с тем, что структурализм, много лет господствовавший в лингвистических исследованиях, по сути исчерпал свои объяснительные возможности, и тогда на смену семиотическому формализму закономерно приходит антропоцентрический взгляд на язык. Такой взгляд, акцентируя неустранимость «человеческого фактора» в процессе познания, смещает фокус исследования с языковой имманентной структуры на взаимоотношение языка и человека, языка и культуры. Вполне органично язык начинает рассматриваться как деятельность. Однако деятельностные представления о языке не отличаются единообразием. Как правило, они представляют собой редукцию программы В. фон Гумбольдта или даже некую альтернативную теорию, сформулированную по принципу отталкивания от исходной, гумбольдтовской позиции. Практически каждая интерпретация концепции В. фон Гумбольдта — это специфический вариант построения лингвистической теории на базе его философии языка [Постовалова, с. 7].

Один из важнейших вопросов, решение которого, в свою очередь, определяет стратегии осмысления вербальной деятельности, — существуют ли какие-либо **регулирующие механизмы речевой деятельности или она принципиально спонтанна?**

Наиболее очевидные ответы на поставленный вопрос вычлениаются из двух развивающихся в науке тенденций. *С одной стороны*, деятельность может пониматься как поток спонтанной активности, иррациональный порыв, и тогда «нормы»/«стратегии» того или иного типа деятельности рассматриваются как некие сдерживающие деятельность факторы, как ограничивающая деятельность косная реальность. *С другой стороны*, возможна абсолютизация регулятивно-нормирующих механизмов деятельности. И тогда нормы (вообще какие бы то ни было регулятивы деятельности) рассматриваются как подлинная субстанция деятельности. В современном языковедении в подавляющем большинстве концепций реализуется второй подход к решению поставленного вопроса. Значение слова при этом рассматривается как нормативно-регулятивный компонент речевой деятельности, а регулятивные компоненты/структуры языка — как стабильные, вносимые в конкретный деятельностный акт в качестве «обязательных».

Возможен и *третий подход* к решению поставленного вопроса. В этом случае **под регулятивным механизмом деятельности понимается естественный язык как самоорганизующаяся система**. При этом принципиально рассмотрение языка не как системы стабильных устойчивых элементов, значение которых задано их соотношением внутри имманентной системы, а потому нормализует и регулирует речевую деятельность, а как **порождающего механизма**. Порождающим началом языка выступают когнитивные модели, представленные/зафиксированные в единицах языка, прежде всего в словах. Структурообразующим компонентом когнитивной модели является доминантный когнитивный признак, содержание которого можно соотносить с содержанием понятия внутренней формы А.А.Потебни. «Уже при самом возникновении слова между его значением и *представлением, т.е. способом, каким обозначено это значение*, существует неравенство: в значении всегда заключено больше, чем в представлении» [Потебня 1989, с. 134] (курсив мой. — В.П.). Представление становится конституирующим компонентом значения слова, потому что оно является доминантным в системе других компонентов, обнаруженных, выявленных мышлением в процессе познания реальности. А.А.Потебня называет этот структурообразующий «признак» *внутренней формой*. Сравнивая способы представления одного и того же понятия в разных языках, он отмечает, что эти способы, т.е. внутренняя форма слов, «иначе направляют мысль» [Потебня 1990, с. 22].

Опираясь на концепцию А.А.Потебни, можно предположить, что слово, фиксируя сложное ментальное образование (единство внешней и внутренней формы), является **средством познания, представляющим своей структурой определенный способ познания**. Содержание слова выявляется в различных словосочетаниях, в которых актуализируются те или иные когнитивные признаки, системно связанные с доминантным признаком в пределах когнитивной структуры. Поэтому слово способно порождать разные смыслы как в речевой деятельности индивида, так и в процессах вербальной коммуникации. Доминантный когнитивный признак (внутренняя форма) выполняет роль *стабилизатора когнитивной структуры*, представленной словом, и удерживает целостность ее независимо от

контекста использования слова. Принципиальная возможность актуализации словом любого компонента определенной когнитивной структуры или иных ассоциативно связанных с ней структур в речевой деятельности индивида стимулирует континуальность речесмыслопорождения. Именно в этом заключается *подлинный динамизм языка как порождающего механизма*. Таким образом, **внутренняя форма — это психический результат распредмечивания реалии. Внутреннюю форму можно, следовательно, рассматривать как способ организации структуры значения слова, а значение слова как познавательную (когнитивную) структуру, которая, с одной стороны, стабилизирует речевую деятельность, с другой — принципиально не исключает ее функционального характера.**

Однако сказанное не исключает вопроса о том, однозначно ли люди, использующие «языковые знаки», понимают их. Утверждение о том, что понимание осуществляется в силу соотнесения с одним и тем же знаком сходного ментального содержания или в силу способности знака возбуждать в мозгу коммуникантов сходные области сознания, требует, на наш взгляд, дополнительной аргументации, и не только психологической или лингвистической.

Интересная попытка ответить на поставленный вопрос содержалась в работах Д.П.Горского [например, Горский 1967]. Формулируя идею *синтетико-генетической* теории значения, исследователь предложил для нее два рода правил: правила введения знаковых выражений и правила их удаления. При этом предполагалось, что на основе анализа использования этих правил в определенных речевых актах можно определить, имеет ли знаковое выражение значение, смысл, понимаемо ли оно.

Д.П.Горский полагал, что начальный этап овладения родным языком опирается на использование индивидами остенсивных определений. Сущность их заключается в том, что «обучающий показывает какой-то предмет и одновременно называет, характеризует его вербально. Этот способ формирования значений знаковых выражений не предполагает использования обучаемым никаких других значений знаковых выражений» [Горский 1967, с. 169]. Овладение пониманием знакового выражения остенсивным путем предполагает опору на восприя-

тие демонстрируемого предмета, знаковых выражений и на различного рода деятельность, осуществляемую при этом. Значение знакового выражения вводится по отношению к некоторому объекту. При обучении «один и тот же предмет, демонстрируемый обучаемым в различных ситуациях, наделяется одним и тем же именем. Это нацеливает обучаемого на выделение и фиксацию в этом предмете тождественного, инвариантного, сохраняющегося в различных ситуациях <...>. С другой стороны, наименование одним и тем же именем различных предметов нацеливает обучаемого на выделение в них общего и тем самым способствует усвоению правил отождествления различных предметов...» [Горский 1967, с. 169—170]. Слово, таким образом, становится *средством* обнаружения инвариантных признаков в разных предметах, обозначенных этим словом, обобщая различные неочевидно сходные свойства и отношения реальных. <...>. Естественно, что индивид остенсивно усваивает не только значения отдельных слов, но и *значения контекстов*, а это, в свою очередь, ведет к овладению определенными грамматическими стандартами родного языка. Итак, формулируется первое *правило введения* знакового выражения — правило остенсивных определений. *Правило удаления* знакового выражения (собственно, опредмечивания его) состоит в умении индивида находить предметы по их именам и описаниям, выполнять определенные действия по знакам-предписаниям, отыскивать ситуации, соответствующие контекстам, т.е. это правило элиминации знакового выражения, введенного остенсивным путем. Критерием понимания знаковых выражений на этапе овладения остенсивными определениями является умение индивида различать и отождествлять знаковые выражения по соотносимым с ними предметами, их свойствами и действиями с предметами, а также умение индивида отождествлять и различать предметы (свойства, действия) по соответствующим знаковым выражениям.

Поскольку сфера и эффективность остенсивного способа формирования и понимания значения ограничена, существует более сложный и значимый для становления мыслящего человека способ овладения значением — с использованием *вербальных определений*. При этом расширение языка как порождаю-

щего механизма осуществляется чаще путем вербальных определений, редко удовлетворяющих всем формальным требованиям. В подавляющем большинстве случаев вербальное определение описывает не специфические свойства объектов, а типичные способы их употребления, использования, типичные примеры, характеризующие предмет (свойство, отношение, действие и т.д.). Чаще определяется то, что типично для обыденной практики: «существует никогда до конца не преодолимое противоречие между вещью самой по себе и ее отражением в мозгу субъекта, которое разрешается в каждый данный момент в меру назревших практических потребностей и в борьбе за их удовлетворение. Поэтому ассоциативный комплекс данного знака и детерминирован объективной реальностью, и одновременно, но в другом отношении, является произвольной конструкцией» [Павлов 1968, с. 62–63].

Вербальные определения могут быть *контекстуальными*: слово, встречаясь в разных контекстах, соотносимых с реальными ситуациями и различными видами деятельности, дает основание для отождествления значения этого слова с другими выражениями, также соотносимыми с данными ситуациями и деятельностью. Интегративная деятельность мозга позволяет индивиду *самостоятельно отождествлять и соотносить языковые выражения, полученные в разное время и разными способами*, и новый способ овладения значением всегда содержит усвоенные ранее значения в «снятом» виде. Д.П.Горский выделяет критерий усвоения значения знаковых выражений — это *умение сводить значения вновь вводимых выражений к другим* (объяснять их значения в явной форме). Такое объяснение возможно как на основе «минимальных словарей науки», так и на основе естественного языка. Оно проявляется в умении «придавать выражениям, фиксирующим факты как непосредственно воспринимаемые явления, смысл выражений, фиксирующих научные факты; переводить описания, осуществляемые на обычном языке, на язык наук» [Горский 1967, с. 176–177] или, добавим, на язык другой семиотической системы.

Мы полагаем, что языковая способность развивается и за счет использования *разных* семиотических систем, поскольку каждая из них имеет свою специфическую внутреннюю фор-

му — способ представления содержания, *способ превращения форм деятельности в формы знаков*. Развитие языковой способности осуществляется и за счет взаимодействия различных естественных языков в речевой деятельности индивидов. В этом случае также происходит порождение интегративных способов овладения значениями (см. подробно: [Романовская 2003]). Это способствует развитию «языкового чутья», которое по сути есть неосознаваемое использование языковых выражений с новыми «внутренними формами», интегрировавшими способы представления значений в разных языках.

Отсюда можно сделать еще один очень важный вывод: *языковая способность — это способность к овладению разными способами присвоения вербальных значений*. Языковая способность развивается, если развиваются способы овладения значениями. Сказанное позволяет считать перспективным рассмотрение **языка как регулятивного механизма деятельности** и дает возможность исследовать интегрирующую роль языка в сенсорно-аффективно-когнитивных процессах. При этом актуализируются не только проблема *зависимости познавательного результата от способа и средств познания*, но и вопрос о том, какую роль в процессах познания играет тело индивида. В анализе речевой деятельности этот вопрос модифицируется: какова роль тела в идентификации значений слов (а, следовательно, в «опознании» и «выборе» когнитивных структур)? «Тело» знака — интерсубъектная среда, которая не может быть индифферентной к субъекту — в противном случае она не способна «заставить» субъекта порождать смыслы (точнее, индуцировать процесс порождения их). Такая индукция может иметь место только тогда, когда внешняя форма знака — не собственно индифферентное психике индивида «тело», а *детерминированная когнитивной деятельностью структурная организация звуковой материи*, внешняя форма, указывающая на внутреннюю форму — на способ представления значения сознанию субъекта.

Идеи так называемой «корпоральной семантики» рассмотрены в ряде работ А.А.Залевской [Залевская, с. 57–64], которая делает вывод о том, что **оперирование языковыми значениями невозможно в отрыве от единой перцептивно-когнитивно-аффективной памяти индивида, включенного в социум (и шире — в культуру)**.

Еще в период становления теории речевой деятельности (отечественной психолингвистики) В.М.Павлов рассматривал языковой знак как нервный код в мозгу индивида, как отражение объективных свойств вещей реального мира в виде некоторого нервного кода, подчеркивая, что содержание психического образования, представленное в языковой форме, «определенным образом структурируется и комплексировается в ориентации на знак (и его место в системе знаков)» [Павлов 1968, с. 59]. Попытки трактовки языка как регулятивного механизма деятельности, в котором осуществляется переработка всех сенсорно-аффективно-когнитивных форм деятельности и образуется их **интегративная форма — языковая**, не прекращаются и в современной науке. Многие исследователи солидарны в том, что в формировании языковой способности огромную роль играет программа обобщения всех внешних и внутренних воздействий, перерабатываемых мозгом. Это аргументируется и целым рядом современных нейрофизиологических исследований животных и человека. Так, в многочисленных опытах У.Дж. Фриман показал, что «мозг — это хаотическая система, которая не только «фильтрует» и «перерабатывает» импульсы, приходящие от органов чувств. Он *активно ищет* чувственные стимулы как исходный материал (сырье), из которого *создаются воспринимающие паттерны с помощью сознания*, которое вновь формирует индуцированную стимулами активность» [Фриман, с. 14] (курсив мой. — В.П.). Исследуя движение, У.Дж. Фриман установил, что моторная команда, активирующая соответствующие моторные системы, сопровождается множеством «посланий» во все центральные сенсорные системы, что подготавливает их изменения в сенсорном входе — налицо **мультимодальная конвергенция форм восприятия**. Такая конвергенция характерна для деятельности мозга человека. «Образы памяти не «запасаются и восстанавливаются» нервной системой, как это представлено в компьютерных системах. Построение паттерна вслед за вызванной стимулом бифуркацией в сенсорной коре *не является* представлением стимула. Паттерн строится с помощью как воспоминания обстоятельств прошлого опыта, так и осознания текущей значимости стимула для субъекта, его получающего» [Фриман, с. 17]. Ней-

рофизиологические и когнитивные исследования подтверждают практически общепринятую в современной науке мысль об интегративной деятельности мозга, о том, что «...обобщенность является сквозной характеристикой всех видов и уровней психического отражения...» [Веккер, с. 174] (вспомним, кстати, утверждение Ж.Фоконье о концептуальной интеграции как универсальной базовой ментальной операции, обеспечивающей успешность процессов познания и общения). Концептуальная интеграция осуществляется как идентификация, а затем интеграция элементов/компонентов разных ментальных пространств как наборов активированных нейронных ансамблей. Эта базовая ментальная операция нейрофизиологически обуславливает процесс порождения нового смыслового образования (подробнее об этом см.: [Герман]; [Пищальникова]). Таким образом, манипулятивная функция языка задается и единством сенсорно-аффективно-когнитивных процессов, интегрирующихся в формах языка. Мы акцентируем понимание языка как превращенной формы действительности, полагая, что **психический процесс превращения форм действительности в формы сознания осуществляется в когнитивных вербальных структурах**. Язык как превращенная форма действительности, во-первых, определяет принципиальную возможность включения реальных в их превращенных — языковых — формах в сознание, во-вторых, **подчиняет процесс познания характеру и специфике своей формы**. Именно в этом и обнаруживается манипулятивная функция языка. **Язык влияет на среду своего бытования — на ментальные процессы — и упорядочивает ее с помощью значений как когнитивных структур**.

Неосознаваемость говорящим когнитивной структуры, стоящей за словом, не мешает ему использовать значение слова как средство познания, потому что *внешняя форма* слова реализует/актуализирует эту структуру в различных формальных сочетательных и ассоциативных связях слова. Поэтому обыденное сознание чаще оперирует «размытыми», неопределенными значениями.

Литература

1. *Постовалова В.И.* Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В.Гумбольдта. М.: Наука, 1982. 222 с.
2. *Потебня А.А.* Слово и миф. М.: Правда, 1989. 623 с.
3. *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М.: Высш. шк., 1990. 344 с.
4. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.
5. *Горский Д.П.* О проблеме значения (понимания) знаковых выражений // Язык и мышление. М., 1967. С. 166–177.
6. Языковая способность человека как объект лингвистической науки // Теория речевой деятельности (Пробл. психолингвистики). М., 1968. С. 36–68.
7. *Сонин А.Г.* Комикс: психолингвистический анализ. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. 110 с.
8. *Романовская Н.В.* Когнитивная и языковая способность как детерминанта перевода: экспериментальное исследование. М.: ИЯ РАН, 2003. 215 с.
9. *Залевская А.А.* Телесность/корпоральность и значение слова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 8. М.—Барнаул, 2004. С. 57–65.
10. Теория речевой деятельности (Проблемы психолингвистики). М.: Наука, 1968. 272 с.
11. *Фриман У. Дж.* Динамика мозга в восприятии и сознании: творческая роль хаоса // Синергетика и психология. Тексты. Вып. 3. Когнитивные процессы. М., 2004. С. 13–29.
12. *Веккер Л.М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 1998. 297 с.
13. *Герман И.А.* Лингвосинергетика. Барнаул: Изд-во Алт. академии экономики и права, 2000. 138 с.
14. *Пищальникова В.А.* Общее языкознание. М.: ИЯ РАН, 2003. 210 с.